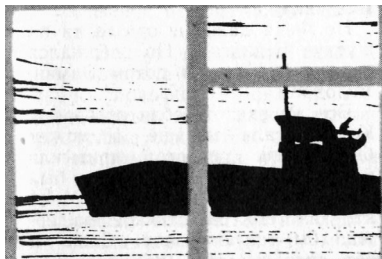

Александр Казанцев

журнал "Вокруг Света" август 1973

НА КОРОТКОЙ ВОЛНЕ

В шестом номере журнала за этот год печаталась новелла Александра Казанцева «Сухопутный моряк». Писатель вновь вернулся к своему давнему плаванию на ледокольном корабле «Георгий Седов», чтобы полнее и шире рассказать о людях Арктики и об Эрнсте Теодоровиче Кренкеле, знакомство и дружба с которым были одним из самых ярких воспоминаний этого плавания. Памяти Э. Т. Кренкеля посвящена и новелла «На короткой волне», которую мы предлагаем вниманию читателей.

Шел третий месяц, как мы находились в море на «Георгии Седове». Передавать через судовую радиостанцию частные радиogramмы было не всегда удобно. А у меня в Москве осталась молодая жена. Очень хотелось послать ей из Арктики весточку. Я намекнул об этом Эрнсту Теодоровичу, который в свободные от судовой связи часы садился за свой любимый ключ у коротковолновой аппаратуры.

— Через коротковолновиков? — сказал он, подняв брови. — Так ведь все наши разговоры ограничены лишь описанием антенн и конструкций передатчиков.

Конечно, я не стал настаивать. Я знал, что Эрнст Теодорович страстный коротковолновик-любитель, у которого была связь со всеми континентами. Впоследствии он возглавил организацию советских коротковолновиков (впрочем, и филателистов). За ним был рекорд самой дальней связи — Арктика — Антарктида, чем он очень гордился.

Утром Кренкель встретил меня с видом заговорщика.

— Двадцать девять гаек? — хитровато спросил он.

Я не сразу понял его.

— А ну-ка вообразите себе телефонный диск и наберите на нем: 29 ГАЕК.

Я перевел буквы и цифры и воскликнул:

— Б 9-41-69! Так ведь это же мой московский телефон!

— Вот именно, — подтвердил Эрнст Теодорович. — Сегодня утром по этому телефону наш корреспондент-москвич позвонил и передал описание нашей антенны, ну и, конечно, привет от вас. Человек он вежливый.

Вернувшись в Москву, я узнал, что коротковолновики регулярно, всякий раз после радиосвязи с «РАЕМ» — позывные, доставшиеся Кренкелю в наследство от радиостанции «Челюскина», — сообщали моей жене, что я жив, здоров и продолжаю плавание.

Однако о пользе увлечения короткими волнами я узнал нечто более значительное на очередном «вечере рассказов» в салоне капитана, организованном Кренкелем.

— Вот вы сомневались в значении коротковолнового любительства, — почему-то совсем несправедливо напал на меня Эрнст Теодорович. — Я вам поведаю кое-что об этой связи. Дело было здесь, в Арктике, и рассказал мне обо всем наш коротковолновик Зимин, не помню его позывных, Саша Зимин.

...Было полярников на острове четверо. А остров известно какой — голый и скалистый. Только лед да снег. Жили себе потихонечку, сообщали сведения о погоде и льдах — по ним составлялись прогнозы погоды для летчиков и капитанов.

Во время Великой Отечественной войны сведения их особенно ценными стали. Иван Григорьевич Терехов с Сашей Зиминим как раз тогда на фронт просились. Терехов у Зимина начальником зимовки был. Но им сказали коротко и ясно — надо нести боевую вахту на своем острове. На зимовке была еще жена начальника Мария Семеновна, радистка (с нею у меня из Москвы коротковолновая связь была), и десятилетний сын Тереховых Федя. Он хотел стать моряком. Саша Зимин с ним дружил, и они вместе изучали английский язык и лоции Южных

морей. Почему Южных? Такая мечта была у мальчонки. Был он мужичок немногословный, неторопливый. Над кроватью Феде висели портреты капитана Воронина и Отто Юльевича Шмидта и еще групповая фотография челюскинцев.

Как и все на зимовках, слушали они утром и вечером сводки Совинформбюро и перекалывали флажки на карте, горевали или радовались...

Был вечер. Саша только что вернулся в дом после зарядки аккумуляторов. Иван Григорьевич переписывал чернилами показания своих метеорологических приборов — на воздухе полагалось писать простым карандашом, чтобы буквы не расплывались. Мария Семеновна штопала мужчинам носки. Была она не только лихой радисткой, но и заботливой хозяйкой: готовила вкусно, шила рубашки, стирала.

— Чайку попьем, — певуче сказала Мария Семеновна. Саша Зимин так и запомнил ее певучий говор.

В окно было видно море с редкими льдинами. Далеко на горизонте темнел островок, необитаемый. Издали он напоминал грозовую тучу. За ним постоянно дымили пароходы. Остров тот был одним из самых ближних к водам, где шла война.

Саша сел рядом с Федей.

Вдруг под окном что-то ухнуло, пол под ногами вздрогнул, загремела посуда на кухне, звякнуло стекло. Черный едкий дым ворвался в комнату.

Отбросив стул, начальник кинулся в сени. Там висели, как положено, винтовки.

Федя подбежал к окну. Немного левее льдин, на которые он только что смотрел, всплыло «серое бревно с седлом-башенкой».

Это была подводная лодка! Зимовщики слышали, что она прорвалась к нашим коммуникациям, была обнаружена и теперь металась между островами.

— Фашисты, — прошептал Федя, сжимая дяде Саше руку. Глаза его загорелись.

— Скорее из дома! — крикнул Зимин.

Второй снаряд попал в дом, когда полярник с мальчиком были уже в сенях. Воздушная волна сорвала дверь. Федя мячиком вылетел на улицу.

Марья Семеновна выбежала следом и упала на камни, держась за бок. В руке — винтовка. Была она в оренбургском платке, и на нем Саша заметил расплывающееся алое пятно.

— В скалы! — крикнул всем Терехов, а сам поднял раненую жену на руки. Он хотел пониже пригнуться, да ноша мешала ему. И он, тяжело ступая, пошел во весь рост.

С моря затрещал пулемет.

Полярники залегли в камнях. Федя перевязывал мать. Она сама говорила, что и как делать, но голос ее заметно слабел.

Мальчик не плакал.

Со стороны дома несло жаром. Зимовка пылала.

— Рация-то... рация.. — Мария Семеновна почти беззвучно шевелила губами. — Хлопчик мой, хлопчик... — Глаза ее были полны слез, лицо посерело, а губы стали совсем синими. Сбравшись с последними силами, она прошептала: — В складе есть любительская, коротковолновая... Может, батареи не совсем сели... — И замолкла.

Чем могла помочь любительская рация, когда ее сигналы не ловят наши оперативные группы?..

На мостике подводной лодки возились черные фигуры.

— Они спускают лодку, не смейте стрелять! — приказал Терехов и стал переползать к прибрежным камням. Он звал за собой Сашу. Тот понял план Терехова — подпустить десант поближе.

Гитлеровцы плыли в резиновой лодке.

Иван Григорьевич стрелял метко. Стоило нерпе высунуть голову из проруби — с одного выстрела попадал. Терехов выстрелил, но никто из сидевших в лодке не упал. В ответ затрещали автоматы.

Пахло гарью. Встречный ветер нес на полярников дым от горящего дома. Глаза у них слезились, душил кашель,

— В лодку цель, в лодку! — командовал Терехов. — Дырявь ее, проклятую!

Раздался взрыв. Федю и дядей Сашей обдало камнями и кусками льда. С подлодки били из пушки.

Резиновая лодка погружалась в воду. Четыре гитлеровца барахтались в воде. Федя яростно забарабанил кулаками по камню. Он-то знал, что температура воды здесь ниже нуля!

Прошлой осенью у них прибоем унесло лодку, когда Федя был на берегу. Не раздумывая, он бросился в воду, которая ошпарила как кипяток. Лодку мальчик не догнал, а его потом Мария Семеновна оттирала спиртом...

Федя с дядей Сашей видели, как фашисты один за другим исчезали под водой. С подводной лодки им даже не успели оказать помощь.

Тут снова что-то взорвалось, и дядя Саша с Федей ничего больше не помнили.

Когда Зимин пришел в себя, подводной лодки уже не было. На том месте, где лежал Терехов, в развороченных камнях чернела воронка.

Сколько так Саша пролежал, он сам не знает. Очнувшись, пополз к камням. Левая нога и рука плохо слушались. В ушах гудело, перед глазамиплыли круги.

Зимин напрасно полз. Можно было идти: гитлеровцы уплыли. Не решились высадить десант.

Саша нашел Федю. Он, скорчившись, сидел подле матери и молча смотрел на нее. Он не плакал. Увидев дядю Сашу, кинулся к нему, вцепился в руку, ведь думал, что все убиты, что один он остался. Дядю Сашу он видел опрокинувшегося навзничь, а вот отца так и не нашел.

Мария Семеновна лежала на спине, словно вглядывалась в тучи, нависшие над островом.

Дом догорал. Дым низко стелился над запорошенной снегом землей.

По морю плыли одинокие льдины. Пронесся короткий снежный заряд. Дым пожарища смешался со снегом.

Саша с Федей рыли могилу. Трудно это было! Приходилось врубаться в промерзший грунт, в слой вечной мерзлоты.

Работая, Саша все думал, что их должны хватиться, когда перестанут получать радиосводки. Прикажут попутному кораблю зайти на остров. Может быть, пришлют самолет. Хотя ему сесть некуда, разве что летающую лодку пришлют? Все равно раньше, чем дней через десять, помощи ждать не приходится.

И решил: проживем... склад сохранился, продукты есть! Но как быть со сводками, именно сейчас они фронту нужны!

В вырытую яму положили Марию Семеновну. Потом, отослав Федю, Зимин перенес в могилу то, что осталось в воронке от его отца...

Когда Федя вернулся, небольшой холмик уже был насыпан. Вместо памятника на нем укрепили винтовку Ивана Григорьевича с изогнутым стволом.

Посмотрел Зимин на дымящиеся развалины и подумал, что могилу можно было рыть в них — там земля оттаяла...

Подавленные, поплелись они с мальчиком к складу. Пока Саша приспособливал его под жилье, Федя ушел на пожарище. Вернулся взволнованный.

— Дядя Саша! Там на берег лодку выбросило!

Побежали вместе на скалы. Снежная пелена скрывала горизонт. Волны то кидали резиновую лодку на береговые камни, то снова стаскивали ее в воду. Без людей она не тонула. В каком-то отсеке ее оставался воздух. Саша Зимин смотрел в море. Там, за дымкой, размещалась на одном из островов база военных моряков. У них есть рация. А что, если к ним... ведь все метеоприборы уцелели! До соседнего острова не так далеко, а там и до базы можно добраться!

Сейчас главное — загрузить Федю работой, отвлечь, занять, чтобы ни минуты ему не быть без дела. И они принялись за починку лодки. Растворив в бензине кусочек каучука, который Саша отодрал от своей подошвы, сделали резиновый клей. Наложили четыре заплаты. На

лодке, кроме бортов, были повреждены и переборки между отсеками, но их решили пока не чинить.

Потом Зимин послал Федю на метеоплощадку. Он забрал самописцы, термометры и другие приборы, залез на столб и снял флюгарку. Все это решено было взять с собой, чтобы оборудовать метеоплощадку около базы военных моряков.

Спустя сутки Зимин испробовал лодку у ледяного припая. Измученный Федя спал.

Накануне Федя притащил со склада ту любительскую рацию коротковолновика, о которой перед смертью вспомнила Мария Семеновна. Зимин решил попробовать. Натянув оборванную антенну, Зимин вышел в эфир. Трескотню любителей слышал, но ни с кем связи установить не мог. Батареи садились. Под самое утро откликнулся ему какой-то австралиец. В другое время радостью это было бы необыкновенной, а сейчас... какая от австралийца польза? Если бы кто из своих откликнулся... А тут еще батареи окончательно скисли. И тогда Зимин на одном дыхании передал австралийцу все, что случилось. А тому всего-навсего нужно было узнать, с кем он связался, лишнюю карточку получить для своей коллекции. Гром сражений ему не был слышен. А все-таки... может быть, настоящий человек у ключа там сидит? И Зимин передавал по любительской традиции на английском языке, даже не зная, слышны ли его сигналы в эфире...

Надежды на то, что его услышали, конечно, не было. Саша решил: если на рассвете в море будет достаточно льдин, чтобы хоть немного унялись волны, они с Федей тронутся в путь.

Зимин крепко мучился, имеет ли он право рисковать жизнью мальчика. Не лучше ли ждать помощи на острове? Да и австралиец, может быть, как-нибудь даст знать...

Но Федя, солидно взвесив все «за» и «против», заявил, что надо плыть. И он был прав. Зимин понимал, что их сводок ждут, что они нужны позарез...

Выслушав Федю, Зимин пошел на пожарище, бродил по нему, рассматривал — вот здесь кухня была. Здесь Мария Семеновна хлопотала, украинские песни спивала. А тут вот Иван Григорьевич со своими тетрадами сидел, сводки готовил. Как бы он поступил? Непременно поплыл бы!..

С утра задул резкий ветер. В небе бродили облака. Разгулялся сильный прибой. В редкие минуты, когда выглядывало солнце, над камнями в мельчайшей водяной пыли загоралась радуга.

Зимин легонько тронул за плечо, потом стал трясти уснувшего Федю, тот жмурился и ничего не мог понять.

— Плыть так плыть! — объявил ему Саша.

Федя сразу проснулся.

Ходили на могилу прощаться. Стояли молча без шапок. Федя нарвал мха, карликовых цветочков и положил их на холмик.

Весла сохранились от старой потерянной шлюпки. Их приспособили к трофейной лодке и отплыли.

Лодка была изрядно загружена. Кроме метеоприборов, в ней было продовольствие и оружие.

Федя сидел на руле, а Зимин греб. Самым трудным оказалось отплыть от берега. Лодочка то проваливалась между волнами, то взлетала на их гребни.

— Как на качелях! — крикнул Зимин. Ему хотелось подбодрить мальчика.

Но Федя даже не отозвался на шутку. Бедняга! Но держался он, как вспоминал потом Зимин, молодцом.

Все же они отгребли от берега. Качка стала меньше, а может быть, они просто привыкли к ней... Этот мальчишка был прирожденным моряком. Мало кто из его сверстников выдержал бы такую качку. Саша и тот спасался тем, что отчаянно греб.

Выйдя из полосы прибоя, он стал грести медленнее, чтобы сохранить силы на весь переход.

Некоторое время рядом с лодкой плыла нерпа. Она высунула голову и с интересом смотрела. Стрелять ее не стали: все равно не взять с собой.

Островок удалялся. Тоненькая радиомачта с антенной, которая в последний раз помогла установить любительскую радиосвязь с австралийцем, то появлялась, то исчезала. Шел мелкий снег. Льдины встречались чаще. Их легко огибали, и Саша начинал думать, что не так уж страшен черт, как его малюют. К тому же ветер переменялся и стал попутным. Рассчитывали еще засветло добраться до ближнего острова, переночевать на берегу, а завтра обогнуть остров и дойти до базы.

Ветер снова переменялся и стал боковым, неприятным. Короткие злые волны били в низкий борт. Лодку заливало, и Феде приходилось вычерпывать воду. Против волн идти было невозможно. Легко было сбиться с курса — и тогда могло пронести мимо острова...

Небо опустилось почти к самой воде. То и дело налетали снежные заряды, и тогда серая мгла скрывала все вокруг. Каждое мгновение на лодку могла наскочить льдина и распороть ее.

Льдины не заставили себя ждать, пожаловали. Покачивались, проплывали мимо, грозя задеть лодчонку. Зимин перестал грести, он стоял на коленях и веслом отталкивался от них. Лодочка медленно поднималась вместе со всей громадой окружавших ее льдов. Потом так же медленно опускалась... Саша заботился теперь лишь о том, чтобы лодку не раздавило. О выборе направления нечего было и думать.

Вдруг показался остров. Но их проносило мимо.

Зимин отчаянно стал прорываться к берегу. Федя стоял в лодке и так же упорно, как Зимин, отталкивался от льдин веслом.

Вокруг все стало бело... Уже распорота в одном месте обшивка лодочки, и она дала течь. Счастье, что водой заполнился только один отсек и как раз тот, который не был пробит пулей.

Лодка глубоко осела. Федя вычерпывал воду. Зимин уже решил выбираться, на лед. Лодчонка каждую минуту могла затонуть. Льдины терлись о борта. Резина омерзительно скрипела. Виден был уже мыс острова, а за ним другой, тот, где была база моряков. Мерещились вдали даже домики... Но они удалялись.

— Дядя Саша, что это стучит? — вдруг спросил мальчик.

Зимин потом признавался, что ничего не слышал, кроме стука в висках от усталости.

— Стучит, стучит, — настаивал мальчик.

Зимин прислушался. Да, по воде доносился ровный стук мотора.

Катер?!

Неужто катер? Как же военные моряки догадались его послать?

Зимин сбросил с себя ватную куртку, прикрепил ее к веслу и стал размахивать над головой. Ему стало жарко, и лоб его покрылся потом, бороду запорошило снегом.

Катер! Его еще не было видно, но слышно отчетливо! Первым увидел катер Федя. Катер шел через ледяную преграду, ловко виляя между льдинами. Остров совсем удалился, но теперь это было не страшно.

Катер пробился к лодочке. Моряки прыгнули на льдину... Побежали. Ах, какие на них были черные куртки, бескозырки, тельняшки! Федя даже засиял от восторга.

Зимин долго не мог говорить от усталости. Рассказывал Федя, что и как произошло. Странно было только то, что моряки как будто все знали.

Матросы бережно перенесли на катер все метеоприборы, забрали и трофейную лодку, критически рассматривая ее.

— Откуда же военные моряки узнали о несчастье на соседнем острове? — спросил я Эрнста Теодоровича.

— А вот ради этого я вам все и рассказал, — сказал Кренкель. — Коротковолновики вмешались. Австралиец настоящим парнем оказался. Была у него связь с индийцем из Калькутты. Он ему сообщил о беде на советском арктическом острове и просил передать своим корреспондентам, что полярники, мужчина и мальчик, собираются выйти в море на резиновой лодке. Индиец сразу трем или четырем корреспондентам своим об этом сообщил, а те — своим. Так радиоэстафета дошла и до одного из советских коротковолновиков. А точнее говоря, до нескольких сразу — в Калуге, в Москве, в Кирове... Те сразу же сообщили кому надо. И военная база моряков получила приказание выйти на катере навстречу людям с погибшей станции.

А метеостанцию восстановили с помощью моряков недалеко от их базы. Установили там все привезенные приборы и стали передавать нужные фронту сводки. Выделили Зимину в помощь матроса первой статьи, ну и Федя, конечно, неизменным помощником у него был. Так они втроем в течение нескольких месяцев несли регулярную метеовахту.

— Вот что значит коротковолновая связь, — назидательно сказал мне в заключение Эрнст Теодорович, потом, сощурился, загадочно произнес: — Двадцать девять гаек!

Этого, кроме меня, никто не понял.